

О трактовке методологии ММК как советского варианта постструктурализма¹

Шиян Т.А. О трактовке методологии ММК как советского варианта постструктурализма // Отечественная мысль XX века в контексте мировой философии: Материалы международной конференции. Москва. 11–12 декабря 2013 г. М., 2013. С. 178–193.

Авторский вариант.

Сохранено с сайта: <http://taras-shiyan.narod.ru>.

E-mail: taras_a_shiyan@mail.ru.

1. Введение

В историю советской философии 2-й пол. XX в. и в методологию гуманитарных наук уже прочно вошла Московско-Тартуская школа, которую иногда называют советским структурализмом. Но одновременно с ней существовала и другая школа гуманитарных исследований, уделявшая большое внимание семиотической проблематике, но не связывавшая себя со структуралистским проектом. Это философско-методологическое движение возникло в начале 1950-х гг. на философском факультете МГУ и позже получило название Московского методологического кружка (ММК). Семиотический подход ММК во многом перекликался с идеями швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, легшими в основу структуралистской методологии. При этом, многие идеи, по форме вполне структуралистские, имели в рамках ММК иную трактовку. Основная тенденция развития в ММК семиотических идей Соссюра – расширение области их применения с только языковой деятельности, описывавшейся Соссюром, на всю сферу человеческой деятельности, бывшей основным предметом анализа ММК на всем протяжении его истории². С некоторой точки зрения, для структурализма тоже характерен такой переход, но осуществляемый иначе. Основным методологическим ходом структурализма была редукция внеязыкового и вообще несемантического к семиотическим и далее к языковым структурам. Именно эта редукция позволяла структуралистам анализировать культуру и общество средствами лингвистики и лингвистически понимаемой семиотики. Тогда как представители ММК трансформировали именно исходные понятия, адаптируя их для анализа более широких предметных областей (переходя от языковой деятельности к семиотической, и от нее к деятельности вообще, понимаемой предельно широко и включающей в качестве частных случаев и мышление, и понимание, и коммуникацию, и многое другое). В ряде случаев в ММК видны и другие отличия от «классического» структурализма, аналогичные тем изменениям, которые произошли в поздний период развития структурализма под влиянием критики и пересмотра исходных структуралистских догм³. Таким образом, существенная формальная общность ряда

¹ © Шиян Т.А., 2013.

² Единственным конкурентом «деятельности» в качестве предмета исследования было «мышление», сосуществовавшее с ним и иногда выходявшее на передний план, как это случилось, например, в игровой период развития ММК.

³ Умберто Эко, проблематизируя существование структурализма как единого течения, пишет: «стоило бы оставить наименование “структурализм” за гипотетическим ортодоксальным структурализмом, который в какой-то мере совпадает с линией де Соссюр – Москва – Прага – Копенгаген – Леви-Строс – Лакан – советские и французские семиотики» [Эко, с. 262]. Но если совершить такую «редукцию», продолжает Эко, то «придется констатировать, что внутри магистрального направления ортодоксального структурализма (того, что мы приняли за таковой, чтобы упростить проблему) действуют разнонаправленные силы, превращающие магистраль в перекресток, а структурализм – в отправной пункт, откуда можно проследовать куда угодно. И стало быть, надо

методов ММК с методологией структурализма, с одной стороны, при существенных содержательных различиях, с другой, позволяет, на мой взгляд, трактовать методологию ММК как некоторый вариант постструктурализма.

Конечно, такая трактовка условна, поскольку, во-первых, сами представители ММК не связывали себя со структурализмом¹, а изначально ориентировались на немецкую философию мышления и деятельности (немецкую классическую философию и отдельные идеи Маркса) и, во-вторых, наработки ММК ни в коей мере не сводятся только к структуралистским / постструктуралистским схематизмам и проблематике. Но взгляд на методологию ММК как на вариант постструктурализма позволяет осветить все основные идеи, сложившиеся в ММК к первой половине 1970-х гг., включая и более ранние разработки по содержательно-генетической логике и по теории систем. Разработки игрового периода остаются в основном вне поля внимания, кроме схемы мыследеятельности, хоть и сформировавшейся уже в игровой период (в начале 80-х), но явившейся завершением поисков 70-х гг.

Данная статья носит вводный характер и лишь намечает направления для более детального сравнения. Кроме того, я почти не затрагиваю здесь вопросов хронологии – возникновения и развития в ММК упоминаемых концепций и схем.

2. Оппозиции и соссюровское различие языка и речи

Одной из характерных черт структурализма, конституирующей его как специфическую исследовательскую программу, было особое внимание к бинарным оппозициям, некоторые из которых, как ожидалось, являются семиотико-семантическими универсалиями и образуют всеобщую, объективную структуру, лежащую за всеми феноменами культуры и общества; поисками этой структуры и занимались структуралисты. Истоки этой методологии – в универсализации некоторых идей Соссюра, который выделял ряд двойственностей, универсальных для лингвистики: «всякий лингвистический феномен всегда представляет два аспекта, из которых каждый соответствует другому и без него не имеет значимости» [Соссюр, 14].

Многие бинарные оппозиции, в том числе и аналогичные структуралистским, использовались и в методологии ММК, но в отличие от структурализма в ММК не делалось на бинарных оппозициях ни особого методологического, ни, тем более, онтологического акцента. Более того, сами поиски объективных и универсальных структур противоречат радикальному антинатурализму (методологизму) ММК. В ММК оппозиции используются для нескольких целей. Во-первых, – для разъяснения различий в подходах, например, оппозиция «натуралистического» и «деятельностного» подходов вводится для разъяснения некоторых принципиальных особенностей самой методологии ММК [Щедровицкий 1974, с. 553–555; Щедровицкий 1975а; Щедровицкий 1991; и др.]. Во-вторых, как и у Соссюра, оппозиции использовались для различения двух противоположных аспектов в тех или иных явлениях, что хорошо согласовывалось с установками официальной философии на «диалектический» (в гегельянско-марксистском понимании этого слова) анализ. Это, в первую очередь, как раз те оппозиции, которые восходят к семиотике Соссюра, или, по крайней мере, аналогичны им. Особым частным случаем этой роли можно считать вариант, когда

согласиться с тем, что существуют: а) “общий” структурализм (результат ошибочного именованя или самоименованя); б) “методический” структурализм <...>; в) “онтологический” структурализм» [Эко, с. 262]. Если принять эту вторую поправку Эко, то методологию ММК можно было бы сблизить с «методическим» структурализмом, которым, безусловно, методология ММК не исчерпывалась бы.

¹ В целом, подход ММК в рассматриваемом отношении ближе именно идеям Соссюра (на которого в работах Г.П. Щедровицкого имеются многочисленные ссылки), чем подходу «классического» структурализма.

оппозиции использовались для введения полярной системы координат с целью систематизации наблюдаемого разнообразия явлений. В этой функции использовалась оппозиция «искусственного» и «естественного» [Лефевр и др. 1967; Щедровицкий 1973, с. 337–347; Щедровицкий 1975b; и др.], содержательно аналогичная структуралистским оппозициям «культура – природа», «сделанное – несделанное» и т.п.¹

Кроме четырех вышеупомянутых лингвистических двойственностей, важных также для общей семиотики, а отчасти имеющих значимость и вообще для любых организованностей деятельности, Соссюр вводит различение языка и речи, которые представляются ему двумя разными аспектами единой языковой деятельности:

По нашему мнению, понятие языка (langue) не совпадает с понятием языковой деятельности вообще (langage); язык – только определенная часть, правда – важнейшая, языковой деятельности. Он – с одной стороны, социальный продукт речевой способности, с другой стороны – совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц [Соссюр, 15].

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем <...> социальное от индивидуального <...> Речь есть индивидуальный акт воли и понимания <...> [Соссюр, 19].

Язык – это <...> грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе [Соссюр, 19].

Это одна из ключевых для ММК групп оппозиций, напрямую соотносимая с наследием Соссюра, которого Г.П. Щедровицкий высоко ценил: «Поэтому столь значительным для всей истории языковедения был вклад В. Гумбольдта, впервые представившего речь-язык в категориях деятельности, и затем, в особенности, вклад Ф. де Соссюра, различившего внутри речевой деятельности (language) parole и langue» [Щедровицкий 1974, с. 575–576].

Оппозиция языка и речи расширяется в ММК на любую знаковую деятельность в форме оппозиции «синтагматика – парадигматика»: «синтагматические цепочки и парадигматические организованности – лишь разные планы существования одних и тех же знаков» [Щедровицкий 1974, с. 572]; «Но затем постепенно выявляются специфические моменты деятельности, в первую очередь – различие парадигматических и синтагматических систем и необходимость одновременного различения и отождествления их элементов» [Щедровицкий 1974, с. 568] и др.

Далее происходит перенос этих оппозиций на всякую деятельность вообще в форме оппозиций «норма – реализация» и «культура (как система норм) – производство (деятельность как система реализации этих норм)». Такое понимание присутствует, например, в схеме трансляции и воспроизводства деятельности и культуры [Щедровицкий 1966с; Лефевр и др. 1967; Щедровицкий 1968/1993, с. 32–38]: «Так мы приходим к необходимости разделить внутри социума две разные сферы – собственно производства и “культуры”; последнее – это совокупности тех средств, которые обеспечивают восстановление производственных (или каких-либо иных) структур» [Щедровицкий 1966с, с. 200]. С этим же различием соотносится и следующая цитата из Щедровицкого: «в процессе воспроизводства социума именно деятельность занимает основное место – и как то, что воспроизводится, и как то, что обеспечивает производство» [Щедровицкий 1966с, с. 201].

¹ Например, в своеобразном манифесте советского структурализма «Тезисы к семиотическому изучению культур»: «Оппозиция “культура – природа” (“сделанное – несделанное”) также представляет собой лишь частичную, исторически обусловленную интерпретацию антитезы “включенности” – “выключенности”» [Иванов, Лотман и др., с. 505]. Эту же оппозицию можно найти в [Лотман, Успенский 1971, с. 485] и других текстах.

Для структурализма различение языка и речи также было существенным, но осмысливалось и использовалось обычно в виде оппозиции «язык – текст» или «код – текст». Например, Ю.М. Лотман писал [Лотман 1990, с. 154]:

- Из идей Соссюра в интересующем нас аспекте имеет смысл выделить следующие:*
- *противопоставление языка (la langue) и речи (la parole) [resp. кода и текста];*
 - *противопоставление синхронии и диахронии.*

Оба эти противопоставления имели для Соссюра самый фундаментальный характер.

В рамках структурализма оппозицию языка и речи (кода и текста) также расширяли, перенося один из членов оппозиции на всю культуру (культура как «супер-код» или как «супер-текст»), как в [Лотман 1970, с. 400]. В поздней книге Лотмана «Культура и взрыв» прямо пишется: «Культура в целом может рассматриваться как текст» [Лотман 1992, с. 72]. Тогда как понимание культуры как «кода» связано обычно с использованием оппозиции парадигматического и синтагматического, как, например, у Лотмана в [Лотман 1970, с. 406], где речь идет о «парадигматике культуры». Но в целом, анализ переноса на культуру того или иного расширительного понимания членов оппозиций «язык – речь», «код – текст», «парадигматическое – синтагматическое» требует отдельного рассмотрения.

3. Лингвистические двойственности Соссюра: их понимание и развитие

В методологии ММК важную роль играли три (из четырех упоминавшихся выше) лингвистических двойственности Соссюра. Вторая из них, связанная с бинарной схемой языкового знака, гласит: «Но допустим, что звук есть некое единство; им ли характеризуется человеческая речь? Нисколько, ибо он есть лишь орудие для мысли и самостоятельного существования не имеет. Таким образом, возникает новое и еще более затрудняющее соответствие: звук, сложное акустико-вокальное единство, образует, в свою очередь, с понятием новое сложное единство, физиолого-мыслительное» [Соссюр, 14]. Кроме схемы знака, эта двойственность нашла отражение в противопоставлении «плана выражения» и «плана содержания» и в оппозиции «формы» и «содержания».

Знак понимался Соссюром в индивидуальном, психологическом смысле (что исторически связано с влиянием психологизма) и представляется как двойственная структура: означающее, или психический образ (в случае лингвистического знака – моторно-акустический) выражающей части знака, и означаемое, или «понятие» (или мыслительно-чувственный образ) выражаемого знаком. В ММК же (например, в [Алексеев и др. 1960, с. 2–3]) использовались термины «обозначающее» и «обозначаемое», понимаемые несколько иначе. Обозначающее понималось как «звуки, движения, графические значки, а в общем случае – любые предметы и явления» [Алексеев и др. 1960, с. 2–3]. Соответственно, обозначаемое – сам обозначаемый, замещаемый «объект». Такое понимание вводится, например, в [Щедровицкий 1957, с. 457] для выражения «объективное содержание», причем само «объективное содержание» противопоставляется «знаку» или «группе знаков» [Щедровицкий 1957, с. 457–462], тогда как термины «обозначающее» и «обозначаемое» появляются, видимо, позже. Кроме того, термин «объективное содержание» используется в этом же значении и в других терминологических связках, например, в связи со знанием в [Щедровицкий 1974, с. 545].

В [Алексеев и др. 1960] оппозиция «обозначающее – обозначаемое» трактуется как частный случай марксовской (гегелевской) оппозиции «форма (в данном случае, знаковая форма) – содержание (объективное содержание)»: «Изображение мышления в виде такой двухплоскостной фигуры <...> позволяет применить для описания мышления

категорию «форма – содержание» в том ее понимании, которое было выработано К. Марксом в «Капитале» <...> Согласно этому пониманию замещаемый элемент подобной структуры <...> может быть определен как содержание, а замещающий элемент <...> – как форма» [Алексеев и др. 1960, с. 2]. Эта оппозиция в формах «обозначающее – обозначаемое» и «знаковая форма – объективное содержание» встречается также в [Щедровицкий 1962; Щедровицкий 1963; и др.]. Эта трактовка знака нашла развитие в понимании мышления и схеме «акта мышления», сложившихся еще в ранний период развития ММК, называемый обычно Московским логическим кружком (МЛК), и лежащих в основе программы построения «содержательно-генетической логики» (например, [Щедровицкий 1957; Алексеев и др. 1960]).

В советском структурализме оппозиция «выражение – содержание», «план выражения – план содержания» встречается; например, у Лотмана [Лотман 1970, с. 406–407; Лотман, Успенский, с. 491; Лотман 1974, с. 546; Лотман 1992, с. 12; и др.].

Третья оппозиция Соссюра гласит: «У языковой деятельности есть и индивидуальная, и социальная сторона, причем нельзя понять одну без другой» [Соссюр, 14]. Это свойство проявилось, в частности, при различении языка и речи, как мы видели выше. В ММК эта двойственность понимается гораздо шире, поскольку не только у любой языковой деятельности, но и у любой семиотической деятельности, как и у любой деятельности вообще есть как индивидуальный, так и социальный аспекты. Это осмыслялось в ММК в рамках проблемы множественного существования деятельности и ее структур, корректное рассмотрение которой требует отдельного исследования.

Четвертый соссюровский пример лингвистических универсалий таков: «В каждый данный момент языковая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть живая деятельность и продукт прошлого. На первый взгляд, весьма простым представляется различие между системой и ее историей, между тем, что есть, и тем, что было; но в действительности отношение между тем и другим столь тесное, что разъединить их весьма затруднительно» [Соссюр, 14]. Эта оппозиция осмыслялась лингвистами как оппозиция «синхронии» и «диахронии» и после Соссюра разрабатывалась «Пражским лингвистическим кружком», в частности, Р.О. Якобсоном [Лотман 1974, с. 544], оказавшим большое влияние на последующий структурализм (не только советский, как видно из схемы структуралистских школ, начертанной Эко).

В ММК эта оппозиция расширяется на всю сферу человеческой деятельности, и в таком виде вполне могла прийти в ММК из социологии, где со времен Огюста Конта принято было выделять «социальную статику» и «социальную динамику». Поскольку принятие «деятельности» в качестве базовой категории является способом построения некоторого варианта социальной философии, то заимствование некоторых социологических представлений вполне ожидаемо. В ММК внимание к этим двум аспектам могло прийти также в результате переосмысления гегелевско-марксовской оппозиции (категории) логического (систематического) и исторического. В форме оппозиции именно «синхронии» и «диахронии» мы можем найти ее, например, в [Щедровицкий 1966b].

4. Заключение

В работе я наметил лишь основные и наиболее очевидные линии сравнения методологии ММК с идеями Соссюра и структуралистским подходом. При этом, даже указанные параллели рассматривались достаточно схематично, с опусканием многих важных деталей и нюансов.

Например, во Введении «Курса» Соссюр пишет: «Другие науки оперируют над

заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в нашей науке. <...> Объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не предупреждает нас о том, какой из этих способов рассмотрения более истинный или более совершенный по сравнению с другими» [Соссюр, 13]. Фактически, это выражение *credo* «деятельностного подхода» ММК [Щедровицкий 1975; и др.], с которым в ММК были связаны не только выявление зависимости «объекта» от способа его рассмотрения, но и многие другие методологемы, например, различение предмета и объекта [Щедровицкий 1963, с. 307; Садовский, Щедровицкий 1964–65, с. 529–530; Щедровицкий 1984, с. 640–643] и схема двойного знания [Садовский, Щедровицкий 1964–65, с. 522–523; Щедровицкий 1966а; Щедровицкий 1966б; Щедровицкий 1968/1993, с. 85; Щедровицкий 1984, с. 636–640].

Другой не рассматривавшейся точкой соотнесения является панкоммуникационный подход структурализма. Так, Эко в книге «Отсутствующая структура», посвященной критике основных постулатов структурализма, пишет: «Семиология является наукой не только о знаковых системах как таковых, но изучает все феномены культуры, как если бы они были системами знаков, основываясь на предположении, что и на самом деле все явления культуры суть системы знаков и что, стало быть, культура есть по преимуществу коммуникация» [Эко, 203]. Или еще о «семиологии»: «не следует ли ее рассматривать как некую междисциплинарную науку, в которой все феномены культуры изучаются под “назойливым” знаком коммуникации» [Эко, 385]. Преодоление панкоммуникационного подхода, освещение связи коммуникации с мышлением и деятельностью является характерной чертой постструктурализма. Например, тот же Эко замечает: «рождается подозрение, что мир *sub specie communicationis* это не весь мир, что это только хрупкая надстройка над чем-то, что подспудно коммуникации» [Эко, 416].

Одним из основных мотивов исследований ММК на протяжении всей его истории были поиски взаимосвязи мышления и деятельности. Постепенно, к середине 70-х гг. исследования этих двух видов социокультурных процессов пополняются исследованиями коммуникации, рефлексии, понимания и др. Встает проблема их соотнесения и трактовки в рамках единой схемы (и системы). Например, в [Щедровицкий 1974] Щедровицкий пишет о функционировании знаков и знаний в процессах коммуникации, о роли и способах возникновения в них процессов понимания, о взаимосвязи коммуникации, деятельности и мышления. Окончательно эта задача соотнесения решается в начале 80-х гг. с созданием схемы мыследеятельности, в рамках которой соотносятся как равноположенные процессы мышления, деятельности и коммуникации, а внутри них выстраиваются процессы рефлексии, понимания и некоторые другие. Можно сказать, что в схеме мыследеятельности соединяются как некоторые идеи «раннего» ММК, так и структурализма, т.е. ее тоже можно трактовать как некоторую «постструктуралистскую» конструкцию¹.

Формат сборника не позволяет с должной тщательностью и детальностью проанализировать все указанные в данной статье параллели. Это задача дальнейших исследований.

¹ Стоит заметить, что схема мыследеятельности (МД) была получена в рамках особой методологической практики – организационно-деятельностных игр – и ее опубликованные варианты [Котельников, Щедровицкий 1983; Щедровицкий 1987] носят прикладной, адаптированный для нужд этих игр характер, при котором все указанные процессы трактуются как разные формы мышления. Предлагаемая же мной трактовка схемы МД представляет некоторое «обобщение» и учитывает поиски 70-х. На правомерность такой расширительной трактовки указывает не только встречаемость подобной обобщенной интерпретации у представителей самого движения, но и устоявшийся ретроспективный перенос термина «СМД-методология», возникшего уже после построения схемы МД, на ММК 70-х.

Литература

1. *Алексеев Н.Г., Костеловский В.А., Щедровицкий Г.П.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщения I–IV // Доклады АПН РСФСР. 1960. №2, 4. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 1–33].
2. *Иванов Вяч.Вс., Лотман Ю.М., Пятигорский А.М., Топоров В.Н., Успенский Б.А.* Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) // *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poswiecone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów.* Warszawa, 1973. Wrocław, 1973. S. 9–32. Цит. по: [Лотман 2000, с. 504–525].
3. *Котельников С.И., Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 115–142].
4. *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М., 1967. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 50–56].
5. *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // Статьи по типологии культуры. Вып. 1. Тарту, 1970. Цит. по: [Лотман 2000, с. 400–417].
6. *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // Динамическая модель семиотической системы. М., 1974. Цит. по: [Лотман 2000, с. 543–556].
7. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. Цит. по: [Лотман 2000, с. 12–148].
8. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров¹ // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 149–390.
9. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
10. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1971. Вып. 284. С. 144–166. Цит. по: [Лотман 2000, с. 485–503].
11. *Садовский В.Н., Щедровицкий Г.П.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщения I–III // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 2, 4, 5. М., 1964–1965. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 515–539].
12. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. с фр. *А.М. Сухотина*; науч. ред. *Н.А. Слюсаревой.* М.: Изд. «Логос», 1998.
13. *Щедровицкий Г.П.* «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. №1. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 449–465].
14. *Щедровицкий Г.П.* О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Методология и логика наук. Ученые записки Томского университета. №41. Томск, 1962. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 34–49].
15. *Щедровицкий Г.П.* Методологические замечания к проблеме происхождения языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1963. №2. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 299–316].
16. *Щедровицкий Г.П.* Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Материалы к симпозиуму по логике науки. Киев, 1966. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 474–476].
17. *Щедровицкий Г.П.* Теория деятельности и ее проблемы. Доклад в Институте проблем передачи информации в 1966 г. // *Щедровицкий Г.П.* Философия – Наука – Методология. М., 1997. С. 242–268.

¹ Первое издание: Лондон, 1990.

18. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 197–227].
19. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. [М., 1968]¹ М., 1993.
20. Щедровицкий Г.П. Методология и наука. Доклад в Институте истории естествознания и техники АН СССР 22.06.73 // Щедровицкий Г.П. Философия – Наука – Методология. М., 1997. С. 294–363.
21. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. М., 1974. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 545–576].
22. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Приложение I к: Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 233–280].
23. Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах. Доклад в Институте проблем управления 26 марта 1975 г. // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
24. Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М., 1984. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 634–666].
25. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. М., 1987. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 281–298].
26. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодействительностного подходов // Вопросы методологии. 1991. №2. Цит. по: [Щедровицкий 1995, с. 143–154].
27. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
28. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

¹ Уничтоженный набор.